

Глава 34. Правда и ложь

А-Гуй летел пулей, стремясь как можно скорее добраться до места, назначенного Уильямом.

Лавируя в толпе, он торопливо пересекал роскошный зал отельного ресторана, отчаянно высматривая Хаожэня. Тот словно сквозь землю провалился. Тревога нарастала: А-Гуй уже начал всерьёз опасаться, что Хаожэня могли увести в один из номеров наверху. Дрожащими руками он выхватил телефон и набрал знакомый номер.

В этот самый момент Хаожэнь и Уильям как раз выходили в холл. Поглощённые беседой, они неторопливо прокладывали путь сквозь людской водоворот. Услышав звонок, Хаожэнь попытался достать телефон, но засуетился и едва не угодил под гружёную багажную тележку, выскочившую прямо на него.

Уильям среагировал мгновенно. Сильной рукой он перехватил Хаожэня за талию и притянул к себе, укрывая от удара. Оказавшись в тесных и неожиданно тёплых объятиях, Хаожэнь на мгновение оцепенел. Не успел он прийти в себя, как его с силой дернули в другую сторону. Потеряв равновесие, он кубарем вылетел из рук Уильяма.

Тот вскинул брови, явно не ожидая подобного бесцеремонства.

Хаожэнь обернулся и увидел А-Гуя. Тот мёртвой хваткой вцепился в его плечо и яростно смотрел на Уильяма.

— А-Гуй?.. — выдохнул Хаожэнь, окончательно сбитый с толку.

— Господин Уильям, Шестой господин дома рвёт и мечет, требует Хаожэня к себе, — отчеканил А-Гуй.

Уильям прищурился. В его голосе скользнул холод.

— Вот как? Что ж, — он перевёл взгляд на Хаожэня и мягко улыбнулся, — похоже, сегодня нам действительно не судьба спокойно посидеть.

Хаожэнь неловко улыбнулся в ответ.

Уильям сделал едва заметный жест, и подошедший слуга протянул ему розу. Эту тёмно-красную розу он передал Хаожэню.

— Мой дворецкий просил передать это вам. Сказал, что это его долг перед вами.

Глядя на изысканный цветок, Хаожэнь невольно улыбнулся.

— Спасибо.

Приняв благодарность, Уильям вкрадчиво попрощался и, напоследок одарив А-Гуя двусмысленным взглядом, удалился.

А-Гуй даже опешил: он никак не ожидал, что Уильям сдастся так просто. Хаожэнь задумчиво покрутил в пальцах стебель, и, заметив, что А-Гуй всё ещё смотрел в спину ушедшему господину, негромко произнёс:

— Идём и мы.

Всю дорогу назад в машине висела тяжёлая, липкая тишина. Атмосфера была настолько наэлектризованной, что А-Гуй не выдержал первым.

— Это не я звал тебя туда, — хмуро бросил он.

Хаожэнь медленно повернул голову. Понимая, что его словам вряд ли поверят, А-Гуй с нажимом повторил:

— Правда, не я.

— А кто тогда?

— Я уснул на диване. А когда проснулся, Вэйхун сказал, что кто-то брал мой телефон поиграть. Я сразу почувствовал неладное и бросился за тобой.

Картина наконец сложилась. Хаожэнь вспомнил вчерашнее предостережение А-Гуя — тот ведь просил его не выходить из дома. Теперь стало ясно, почему на месте встречи его ждал не А-Гуй, а Уильям.

— Как бы там ни было... спасибо тебе, — искренне сказал Хаожэнь.

А-Гуй лишь мельком взглянул на него и промолчал. По правде говоря, он и сам не понимал, зачем бросился на выручку. С точки зрения личной выгоды ему следовало играть на стороне Уильяма. На душе было мутно. Пророчество Сыма о том, что он может привязаться к «невестке», отозвалось в сознании тревожным звоночком.

Вернувшись в поместье Цзян, они не застали Вэйхуна в спальне, что показалось им странным. А-Гуй, сбросив пиджак, устало опустился на диван. Хаожэнь же, услышав доносящийся из

ванной шум льющейся воды, направился туда.

Внезапно тишину разорвал оглушительный грохот.

А-Гуй вскочил. Дверь ванной распахнулась, и оттуда пулей вылетел Вэйхун. Он был бледен как полотно.

— Скорую! Вызывай скорую! — закричал он.

А-Гуй, не теряя ни секунды, бросился внутрь. Картина, представшая его взору, была катастрофической.

Пол ванной превратился в озеро. Из форсунок бассейна с лечебным отваром непрерывным потоком била мыльная пена. Хаожэнь лежал на кафеле, скорчившись и баюкая локоть; он стонал от невыносимой боли.

Пытаясь добраться до него, А-Гуй осторожно ступил на скользкий пол. Но в этот момент Вэйхун, в панике метавшийся по дому, решил вернуться на подмогу. Он влетел в ванную на полном ходу, поскользнулся на мыльной жиже. В попытке удержаться он мёртвой хваткой вцепился в А-Гуя, и оба они с грохотом рухнули прямо перед Хаожэнем, растянувшись во весь рост.

Увидев входящего А-Гуя, Хаожэнь поначалу ощутил проблеск надежды. Но когда спасатели с воплями повалились друг на друга, он лишь прикрыл глаза, чувствуя, как судьба наносит последний удар. Сил на возмущение не осталось. Это был какой-то затянувшийся фарс.

На следующий день палата больницы напоминала штаб проигравшей армии.

Один с рукой в гипсе, другой с перебинтованной ногой, третий с пластырем на лбу — все трое сидели рядышком, являя собой печальное зрелище.

Правое предплечье и локоть Хаожэня были закованы в тяжёлый белый панцирь. Он сидел, поджав губы, и едва сдерживал гнев.

— А я-то решил, что ко мне спасители пришли. Зря только время терял, надеясь на вас! — ворчал он.

Справедливости ради, его гнев был направлен не столько на А-Гуя, сколько на Вэйхуна. А-Гуй, чья левая лодыжка раздулась до размеров свиного копыта, лишь тяжело вздохнул и покосился на виновника торжества.

Вэйхун выглядел самым невинным из всех, несмотря на пластырь на лбу. Он и правда не хотел. Просто задумался о чём-то своём, ушёл в мир грёз и совершенно забыл, что наполняет ванну. Он осторожно коснулся своего лба. К счастью, старая рана не пострадала — череп у него оказался на редкость крепким.

— Я... — только начал он, как матушка Хэ всунула ему в руки миску с бульоном.

Вэйхун посмотрел на матушку, потом на Хаожэня. Понимая, что тому сейчас трудно управляться с ложкой, он решил заглядить вину.

— Давай я тебя покормлю, — предложил он с самым преданным видом.

Подвинув стул поближе, он зачерпнул бульон и поднёс ко рту Хаожэня.

— Ну же, скажи «а-а-ам»?

Сцена выглядела более чем двусмысленно. А-Гуй украдкой глянул на Тётушку Вэйхуэй, которая сидела в углу. Тётушка пришла по просьбе племянника и до этого момента хранила молчание, но теперь она всё сильнее хмурилась. А-Гуй понял: нужно вмешаться, пока не грянула буря.

— Помоги-ка мне с этим, — позвал он Вэйхуна, не придумав ничего получше.

Вэйхун завертел головой: «с этим» — это с чем? Под рукой оказалась только коробка салфеток.

Цзян Вэйхуэй была женщиной проницательной. Она прекрасно видела, что А-Гуй просто пытается разрядить обстановку, заметив её недовольство. Она медленно поднялась и обратилась к Хаожэню:

— Выйдем на минуту. Мне нужно кое-что сказать тебе с глазу на глаз.

Не понимая, к чему этот разговор, Хаожэнь послушно последовал за ней в коридор. Они остановились у окна в тихом углу. Тётушка обернулась и произнесла с непривычной торжественностью:

— По поводу той ситуации с господином Уильямом... Я хочу принести извинения от имени моего старшего брата.

Хаожэнь замер от неожиданности. Он не думал, что она в курсе интриг Старейшины.

— Бизнесмены — народ расчётливый, они и шагу не ступят, если не видят выгоды, —

продолжала она с искренним сожалением. — Если ты решишь уйти из-за того, что тебя так нагло обманули, я не стану тебя винить.

Она сделала паузу, внимательно глядя на него.

— Но я всё же надеюсь, что ты останешься в семье Цзян ради Вэйхуна. В конце концов, ты ему действительно необходим.

Хаожэнь всё понял. Тётушка боялась, что он в гневе бросит работу, оставив Шестого господина без присмотра, и пришла усмирить его добрым словом.

— Знаешь... он ведь и правда к тебе очень привязан, — вздохнула Вэйхуэй. — Я видела, как он рос, и никогда не замечала, чтобы он так сильно кем-то дорожил. Пусть остальные в доме относятся к тебе прохладно, но прошу, не пренебрегай его чувствами. Пожалей этого беднягу, ему больше не на кого опереться.

Слова Тётушки тронули Хаожэня. Он вспомнил, что Вэйхун, несмотря на все свои причуды и непослушание, всегда был к нему добр.

— Не волнуйтесь, — ответил Хаожэнь. — У меня нет намерений уходить.

Цзян Вэйхуэй заметно расслабилась. Она почувствовала облегчение.

— Вот и славно. Спасибо тебе, — мягко улыбнулась она.

Хаожэнь вежливо кивнул. Он и не подозревал, что за ближайшей колонной, затаив дыхание, стоит Вэйхун и ловит каждое их слово.

Сейчас Тётушка ласково улыбалась Хаожэню, и её речи казались верхом участия — этакий дипломатичный ход, чтобы удержать ценного работника. Но Вэйхун знал свою тётю слишком хорошо. Он кожей чувствовал: за этой маской благожелательности скрывается глубокая, холодная неприязнь, которую она уже затаила на Хаожэня.

<http://bllate.org/book/17510/1662204>